

Гу Цзяо никогда не думала, что ей, которая в прошлой жизни прошла через Гаокао*, вступительные экзамены в аспирантуру и квалификационный экзамен на степень доктора наук, и которая в итоге с таким трудом вырвалась во взрослую жизнь, вынуждена сейчас снова стать ученицей младшей школы, причем в той области, в которой она была наименее хороша - каллиграфии.

Голова Гу Цзяо поникла, она резко почувствовала себя не слишком хорошо.

Со всех сторон она была хороша - и умница, и красавица, но она совершенно не хотела заниматься каллиграфией, ну так не хотела!

«Давай начнём с твоего имени», - сказал Сяо Люлань.

Его голос был ещё где-то между голосом подростка и голосом зрелого мужчины, в нем не было неприятного каркающего звука, наоборот в его низком голосе чувствовалась свежесть и глубина.

Гу Цзяо, не способная сопротивляться, молча наблюдала, как он записывает ее имя на листе бумаги.

В отличие от того, что он написал на бланке согласия на операцию, на этот раз оно выглядело намного более аккуратным.

Но Гу Цзяо все еще не совсем понимала.

Она сидела напротив Сяо Люланя, с ее места она видела символы перевернутыми. Сяо Люлань перевернул бумагу, чтобы Гу Цзяо могла рассмотреть ее поближе.

Затем он поочередно написал на бумаге штрихи, демонстрируя порядок их написания.

Глядя на такое огромное количество штрихов, Гу Цзяо почувствовала, что у нее голова идет кругом.

Это был не традиционный китайский иероглиф, не лишу**, не сяочжуань*** и не дачжуань****, а совершенно незнакомый ей иероглиф.

Видя, как неуклюже Гу Цзяо держит кисть, Сяо Люлань с горечью в голосе сказал: «Ты держишь кисть неправильно, подними руку немного выше и не нужно быть такой деревянной в запястье».

«Вот так?» - Гу Цзяо отрегулировала положение руки в соответствии с его указаниями.

Она держала кисть в стандартном положении для ее прошлой жизни, но это выглядело всё равно немного неуклюже перед таким древним человеком, как Сяо Люлань.

«Указательный палец», - сказал Сяо Люлань.

«А?» - Гу Цзяо была озадачена.

Сяо Люлань колебался мгновение, затем вытянул вперед свой тонкий нефритовый палец и осторожно подтолкнул ее указательный палец вверх.

Если бы он сделал это при других обстоятельствах, Гу Цзяо наверняка подумала бы: Он коснулся моего пальца, это все равно что подержаться за руки. Но сейчас он учил ее писать, а значит считай, что она присутствует на уроке, а Гу Цзяо всегда была на уроках самой серьезной ученицей.

Гу Цзяо сняла туфли, села напротив него, скрестив ноги, и стала сосредоточенно отрабатывать написание символа, делая по одному штриху за раз.

Сюэ Нинсян все еще ждала в главном холле. Она не понимала, почему Гу Цзяо так долго не выходит. Письмо было не таким уж длинным. Неужели его нужно было так долго читать?

Сюэ Нинсян не знала, что два человека в комнате совсем забыли о письме: один читал, а другой практиковался каллиграфией.

Сяо Люлань время от времени поправлял положение руки Гу Цзяо, в которой она держала кисть. Однако не настаивал на правильном написании символа. В конце концов, хорошо держать кисть в руке и не писать на оборотной стороне бумаги было уже неплохо для первого раза.

Если бы Гу Цзяо знала, о чем он думает, она бы вскочила и от стыда бросилась бы вон. Она была великой современной студенткой, как можно про неё сказать, что она впервые взяла в руки кисть?!

Память Гу Цзяо была еще очень хорошей. Чтобы запомнить эти сложные штрихи, ей достаточно было написать их один раз. Вот только ее почерк был слишком уродлив, на вид так просто катастрофа.

По меркам Сяо Люланя, это был почерк ученика младшей школы, только впервые взявшего в руки кисть.

В конце концов, его почерк, когда ему было два года, был намного лучше, чем у нее.

Не успели они опомниться, как уже прошло полчаса с того момента как они оставались в уединении в комнате. Наконец, когда старушке стало скучно, она пошла искать Гу Цзяо и обнаружила, что они заняты в комнате написанием символов на бумаге.

Старушка не стала заходить и мешать, она заглянула лишь в щель в дверном проеме, заметив на маленьком столике красную бумагу.

В её голове тут же мелькнула мысль: «О, вы пишете двустихия к Весеннему празднику? Что ж, самое время написать их. Если не написать их сейчас, то потом можно не успеть закончить. Сообщите мне, когда закончите».

Она очень хотела развесить весенние свитки!

Это было действительно прекрасное недоразумение. Но Гу Цзяо не знала, что Сяо Люлань взял красную бумагу не для того, чтобы написать куплеты к Весеннему празднику, а просто так получилось, что он сам тренировался в каллиграфии, так как уже давно не совершенствовался.

Но теперь, когда старушка заговорила об этом, им лучше было бы начать сочинять и писать куплеты к Весеннему празднику!

«Я буду резать бумагу!» - Гу Цзяо отложила кисть и пошла искать в доме ножницы.

Старушка, спасибо большое за то, что ты избавила меня от этих страданий! Если бы я еще немного продолжила этим заниматься, моя рука точно бы отсохла!

Сяо Люлань уставился на красную бумагу, лежащую перед ним на столике, выглядя немного ошеломленным.

Однако, когда Гу Цзяо аккуратно и красиво разрежала листы, а затем положила их ему под руку, он тем не менее взял кисть в руку и написал несколько весенних двустихий.

«Напиши несколько штук и для Сяо Сюэ», - напомнила старушка.

Последняя очень полюбила Сюэ Нинсян. Конечно же, Гу Цзяо ей тоже очень нравилась. Она не говорила об этом словами, но Гу Цзяо остро чувствовала доброту или злобу, исходящие от других людей по отношению к ней.

Например, Сюэ Нинсян при первой встрече с ней была полна злобы, но теперь эта злость полностью исчезла.

Любовь старушки к Сюэ Нинсян отличалась от ее любви к Гу Цзяо. Её любовь к Гу Цзяо была любовью к члену семьи, а её любовь к Сюэ Нинсян была привязанностью хозяина к гостю.

Говоря прямо, она считала Сюэ Нинсян хорошим гостем, подходящим для частых визитов.

Когда старушка сказала эту фразу, двое, наконец, вспомнили, что забыли о Сюэ Нинсян и ее письме, и оба почувствовали смущение.

Неизвестно, в каком настроении пребывала Сюэ Нинсян, пока ждала их в главном холле ...

Через полчаса Гу Цзяо вышла с письмом Сюэ Нинсян и куплетами к Весеннему празднику, написанными Сяо Люланем, а также с тарелкой кунжутных конфет и каштановых пирожных, чтобы Сюэ Нинсян забрала их домой.

«Почему так много?» - удивилась Сюэ Нинсян.

Гу Цзяо, конечно, не стала говорить, что пришла извиниться. Она торжественно сказала: «Скоро Новый год. Тетушка попросила меня принести это. Стихи к Весеннему празднику - для тебя, каштановые пирожные и кунжутные конфеты - для твоей свекрови и твоего сына».

Сюэ Нинсян поспешила поблагодарить ее.

«Только что...» - Гу Цзяо колебалась, но решила все же объяснить.

Кто бы мог подумать, что Сюэ Нинсян покажет ей дразнящий взгляд и улыбку, как бы говоря: Я все понимаю.

Гу Цзяо: Ты понимаешь? Что ты понимаешь?!

Сюэ Нинсян была человеком с опытом. Что могла делать молодая жена, если вошла в комнату мужа и долго не выходила оттуда? Как я могу сердиться из-за такого?

Причина, по которой она оставалась в стороне, не говоря ни слова, заключалась в том, чтобы не видеть того, что не следует видеть, и не слышать того, что не следует слышать.

«Только ... » - прошептала она Гу Цзяо на ухо, - «Не забудь в следующий раз прикрыть дверь. Тетушка все же дома».

Гу Цзяо: Кажется, ты что-то не так поняла ...

В письме деверь Сюэ Нинсян сообщал, что он совершил небольшой подвиг на границе и стал военачальником, получив награду в 10 таэлей серебра. Эту награду он отправил Сюэ Нинсян, прося её хорошо позаботиться о себе, его матери и своем сыне.

Он сказал, что в будущем заработает много серебра, поэтому ей не нужно больше экономить.

Этот деверь был неплохим человеком.

Гу Цзяо спросила Сюэ Нинсян, хочет ли она ответить, но последняя покачала головой. В это время все разъехались на Новый год, и на почтовой станции никого не было. Даже если бы она написала ему ответ, никто бы его не отправил.

После того как Гу Цзяо отдала вещи Сюэ Нинсян, последняя ушла домой. Сюэ Нинсян приняла еду, но что касается двестишый на красной бумаге на праздник Весны, то она приняла только один набор, сказав, что они были слишком дорогими. Гу Цзяо сказала ей, что она не покупала их на улице, а Сяо Люлянь написал их сам. Но потом, подумав, она спросила: «Красная бумага очень дорогая?»

Красная бумага была подарена Фэн Линем, и ее было много, поэтому Гу Цзяо не задумывалась о ее цене. Только после того, как она спросила у Сяо Люляня, то узнала, что красная бумага для написания куплетов к Весеннему празднику стоит в несколько раз дороже обычной.

«В обычное время она не слишком дорогая, но под Новый год цена возрастает», - объяснил Сяо Люлянь.

«Тогда ... семья Фэн Линя, наверно, хорошо обеспечена?» - спросила Гу Цзяо.

Сяо Люлянь задумался на мгновение, а затем покачал головой: «Я, конечно, не спрашивал, но должно быть ... не слишком хорошо».

Примечание:

* - Гаокао - Единый государственный экзамен для поступления в высшие учебные заведения (КНР);

** - лишу - вид китайского древнего письма, отличающийся квадратной конфигурацией иероглифов, использовался для деловых писем;

*** - сяочжуань — малый устав, унифицированный стиль, введенный при династии Цинь; в настоящее время употребляется на печатях;

**** - дачжуань - большой устав, один из древних стилей письма, отличается от сяочжуань большей строгостью.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/1829217>